

Чеслав Андрушко

Еврейский вопрос в трудах о. Сергия Булгакова

Studia Rossica Posnaniensia 28, 9-14

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ О. СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

JEWISH QUESTION IN SERGEI BULGAKOV'S WORKS

ЧЕСЛАВ АНДРУШКО

ABSTRACT. At the centre of this article is Bulgakov's work *Racionalism and Christianity* and his theological attempt to resolve historical conflict between Judaism and Christianity as a whole.

Czesław Andruszko, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Instytut Filologii Rosyjskiej, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska – Poland.

Выдающийся русский философ и богослов Сергей Булгаков, выдворенный большевиками из России в 1922 году, к еврейскому вопросу обращался неоднократно, усматривая в нем узловой пункт истории. Характер такого отношения к еврейству и его проявлениям в общественно-политической жизни определился в самом начале творческого пути, когда Булгаков испытал на себе, как и большинство интеллигенции этого периода, сильное и длительное влияние марксизма. Впоследствии назовет эту болезнь своего века „интеллигентщиной”, впитавшей в себя все яды рационалистических и атеистических учений Запада. Порвав не без труда с марксистской идеологией, что выразил в своей изданной в 1903 году книге с характерным названием *От марксизма к идеализму*, Булгаков стал одним из самых беспощадных ее критиков. Неприемлем для него прежде всего сам Маркс с его резко выраженной бездуховностью и жесткой прямолинейностью в суждениях по еврейскому вопросу: „Еврейский вопрос для Маркса есть вопрос о процентчике – «жиде», разрешающийся сам собой с упразднением процента”¹. „И эта примитивная идея, – подчеркивает Булгаков, – проводится Марксом во имя последовательного атеизма, для которого ему пришлось пожертвовать своей национальностью, произнести на нее хулу и впасть в своеобразный не только практический, но даже и религиозный антисемитизм”². Социализм Маркса являл собой

---

¹ С. Булгаков, *Карл Маркс и еврейский вопрос*. (Из статьи *Карл Маркс как религиозный тип*). В: прот. Сергей Булгаков, *Христианство и еврейский вопрос*, Paris 1991, с. 165.

² Там же, с. 168.

обездушенную хилиастическую идею о тысячелетнем царстве святых на земле. В статье *Апокалиптика и социализм*, написанной в 1910 году, Булгаков так определяет его подложную сущность: „Социализм – это рационалистическое, переведенное с языка космологии и теологии на язык политической экономии переложение иудейского хилиазма, и все его *dramatis personae* поэтому получили экономическое истолкование. Избранный народ, носитель мессианской идеи, или, как позднее в христианском сектанстве, народ «святых» заменился «пролетариатом» с особую пролетарскую душою и особой революционной миссией”³. Успех этой социальной утопии у современников усматривал автор статьи отнюдь не в ее ветхозаветном происхождении, а в оторванности исторического христианства от своей религиозной первоосновы.

В 1918 году Булгаков принимает сан священника, открывая тем качественно новый этап богословских исканий. Вынесенное из личного опыта убеждение, что марксизм, равно как и социализм, вне всякой метафизики, позволило ему окончательно порвать с социально-политическим утопизмом и обрести свободу для поиска ценностей, предопределяющих религиозную сущность бытия. Булгаков неоднократно повторял, что религиозность принадлежит к сути человечности. Он относил это в полную меру и к еврейскому вопросу, ядром которого становится теперь для него антисемитизм в своей глубинной религиозной сущности и расизм как его внешнее проявление. В богословском наследии Булгакова выделяется целый ряд статей – *Сион* (1915 г.), *Судьба Израиля как крест Богоматери* (1941 г.), *Гонения на Израиль* (1942 г.) – свидетельство того, что для их автора еврейский вопрос в корне своем неизменно оставался вопросом религиозным. Центральное место среди них, как по глубине, так и широте охвата этой проблемы, занимает исследование *Расизм и христианство*, написанное зимой 1941/1942 года, за неполных три года до смерти автора.

Несомненно, это главное для русской религиозной мысли сочинение по еврейскому вопросу было навеяно Булгакову событиями II мировой войны, когда столкнувшиеся между собой фашизм и коммунизм обнаружили со всей очевидностью свое душевное родство – именно душевное и эмоциональное, – подчеркивает Булгаков, – ибо духовное и интеллектуальное отсутствует в них с самого начала. Булгакову неизвестно еще такое страшное явление, как холокост, но он нигде не сомневается в том, что из этой душевной совокупности вытекает прямая угроза всему человечеству – и в первую очередь народу избранному. В фашизме по-зверски проявило себя волевое начало германской идеи – в том значении, какое придавали ей Шопенгауэр и Ницше, – и гитлеровской идеологии, однозначным завершением которой стала книга Альфреда Розенберга *Миф*

---

³ Цит. за: Н. Л о с с к и й, *История русской философии*, Москва 1994, с. 214.

ХХ века. Исходный тезис этой книги, направленный против Ветхого Завета как религиозного Откровения, выражается в понятии „мифа крови” как новой религии, уже „чисто” германской по происхождению, где всеопределяющим становится расово-биологический фактор. В радикальном религиозном имманентизме, отрицающем трансцендентные ценности, усматривал основопологатель „мифа крови” единственное спасение для естественного закона жизни, к уничтожению которого якобы постоянно стремилось и иудейское, и христианское учение о Боге. „Этим, – констатирует Булгаков, – Розенберг договаривает последнее слово человекобожия и натурализма в марксизме и гуманизме: не отвлеченное человечество, как сумма атомов, и не класс, как сумма социально-экономических объединенных индивидов, но кровно-биологический комплекс расы является новым богом религии расизма”⁴.

Булгаков считает излишним доказывать очевидное – что этот бог крови и эта религия расизма является нехристианскими. С его богословской точки зрения, более существенным для понимания религиозной природы расизма является его скрытый антисемитизм. Воинствующий расизм „не только включает в себя антисемитизм, как сознательное или бессознательное соперничество с избранным народом в желании его с о б о ю заменить, но сам он е с т ь этот антисемитизм по своему религиозному коэффициенту, из него рождается и слагается, в него непрестанно, никогда о том не забывая, как в духовное зеркало, смотрится, ему рабствует, о нем забыть не может”⁵. В известном смысле арийский „миф крови” созвучен ветхозаветному учению о священности крови, кладущему строгий запрет на вкушание крови животных. Разница заключается лишь в том, – саркастически отмечает Булгаков, – что апологеты расизма всеми силами пытаются оторвать это учение от своей субстанциональной первоосновы, парадоксально и зачастую непреднамеренно подчеркивая при этом его религиозное происхождение. Но уже прямое негодование автора вызывает факт, что во главе этой философии насильничества и солдатчины, направленной против еврейства, ставится Архангел Михаил, призванный самим Творцом защищать избранный народ от посягательства.

Это маниакальное, психо-патологическое соперничество германства с иудаизмом на „избранность” рассматривается в статье как основной показатель того, что еврейство было и остается „осью” мировой истории. Исторические судьбы еврейства представляют собой взаимообусловленность чередующихся гонений, с одной стороны, и растущего влияния в мире – с другой. Первое проистекает из национального инстинкта самосохранения и мнимохристианского чувства страха перед способностью

---

⁴ С. Бу л г а к о в, *Расизм и христианство*. В: прот. С е р г и й Б у л г а к о в, *Христианство и еврейский вопрос*, указ. соч., с. 32.

⁵ Там же, с. 34.

евреев не до конца ассимилироваться в чуждой им среде, второе же связано с исключительной живучестью и одаренностью народа, сумевшего удержать свое место в пестрой смене народов и пронести через века чувство особой национальной солидарности. Но сам вопрос о силе и значительности этого факта можно правильно решить только в религиозном плане. Булгаков пишет в связи с этим: „Уже в самом факте нельзя не видеть печати особой богоизбранности еврейства, независимо от того угодно или негодно нашему ограниченному человеческому суждению это произволение Божие”⁶.

„Расизм и христианство” показывает, что ту же центральность в новейшей истории разделяет вместе с еврейством и народ русский, судьбы которого предрешаются в большевизме. Автор, как и большинство мыслителей его времени, считает, что русское национальное сознание выражается преимущественно в религиозной мысли, большевизм же с его агрессивным безбожием чужд ему и противоестественен и как историческое явление „насаждался именно Германией, доставившей в Россию в запломбированном вагоне чумную бациллу большевизма – Ленина”⁷. Именно вопреки женственности русской природы – здесь Булгаков повторяет знаменитую идею Бердяева – в большевизме с жесткой прямолинейностью выступает нерусское мужское волевое начало – „знак германского его происхождения”⁸. Поэтому большевизм в известном плане смотрится в расизм. В обоих отсутствует органическое духовное начало, а преобладает механическое волевое, стремящееся превратить все нации в одно послушное стадо, оба представляют собой разновидности „одного и того же апокалиптического «зверя», имеющие сродные «зверства» вместе с одинаковым устремлением к взаимоуничтожению”⁹.

Но еще более прискорбным считает Булгаков тот факт, что одновременно в большевизме со страшной разрушительной силой проявилась и волевая энергия еврейства, сосредоточившая в себе все те порочные черты, которые чужды иудаизму и как таковые „известны уже и по Ветхому Завету, где они были предметом гнева Божия на Израиля и пророческих обличений против него. Еврейская доля участия в русском большевизме – увы – непомерно и несоразмерно велика. И она есть, прежде всего, грех еврейства против святого Израиля, избранного народа. Это есть внутреннее двойство и противоборство в нем. И не «святой Израиль», но волевое еврейство проявляло себя, как власть, в большевизме, в удушении русского народа”¹⁰.

---

⁶ Там же, с. 94.

⁷ Там же, с. 86.

⁸ Там же, с. 114.

⁹ Там же, с. 63.

¹⁰ Там же, с. 121.

Булгаков с нескрываемой горечью и вместе с тем с глубоким пониманием относится к проблеме столь активного участия русских евреев в большевистском перевороте и в верхах коммунистической клики, хотя объективность исследователя заставляет его признать, что в количественном отношении преобладали в ней другие нации – и прежде всего русская. Роковая сопричастность евреев этому своеобразному гитлеро-большевизму, со „звероподобным грузином” во главе, выразилась в том, что здесь с наибольшей силой заявила о себе „демагогия, обращенная к низшим стихиям”¹¹. В такой качественной оценке несомненной вины евреев за развязанный массовый террор Булгаков близок взглядам еврейских исследований, часто обращающихся к этой болезненной прежде всего для них самих проблеме. Видный еврейский публицист того времени И. Левин писал в 1923 году, что столь непомерно-рьяное участие русских евреев в революции следует рассматривать в категориях „беспочвенности еврейства, повисшего в воздухе между старой еврейской культурой, от которой оно отошло, и европейско-христианской в ее национальных формах, к которой оно не пристало”¹². Революционная смута, деклассировав общество в целом, выплеснула из себя всю муть, которая, как отмечает другой еврейский публицист, „из еврейской среды тем легче поднялась на поверхность”¹³. Традиционное еврейство не поддавалось на соблазн революции – в ней своеобразно схлестнулись стихии русского простонародия и еврейской культурной беспочвенности, которая, утратив связь с иудаизмом, теряла тем самым свою национальную принадлежность. Конечно, массы необразованного еврейства, влившиеся в революцию, были достаточно грозным симптомом слабости еврейской культуры, которую и Булгаков называет псевдонимной, однако в его богословском истолковании одного только преодоления бескультурья слишком мало для выхода из духовного тупика, оказавшегося одинаково трагическим как для евреев, так и для русских. В большевизме решается не германский вопрос, поражение которого уже предreshено, – пророчески заявляет Булгаков страшной зимой 41/42 года, – а еврейский вопрос, становящийся одно из свершений апокалипсиса. Судьбы русской и еврейской нации связаны этим таинством, но для того чтобы оно реализовалось, нужно и полное возвращение евреев к иудаизму, от которого отрываются историей, и новое отношение христианства к еврейскому вопросу, чтобы научиться его для себя находить. „Трансцендентность должна проникнуть собой имманентность, – заключает Булгаков, – чтобы возникло новое, неведомое в своем образе бытие”¹⁴.

---

¹¹ Там же, с. 120.

¹² И. Левин, *Евреи в революции*. В: *Россия и евреи*, сб. I, Берлин 1924, с. 138.

¹³ И. Бикерман, *Россия и русское еврейство*. В: *Россия и евреи*, указ. соч., с. 117.

¹⁴ С. Булгаков, *Расизм и христианство*. В: прот. С е р г и й Б у л г а к о в, *Христианство и еврейский вопрос*, указ. соч., с. 136.

Конечно, автор *Расизма и христианства* как христианский теолог всю трагическую сущность еврейского вопроса усматривает в том, что иудеи отвергли учение Христа. При этом, однако, в богословских суждениях Булгакова проявляется характернейшая особенность, отличающая его от русских религиозных мыслителей, которые если и сравнивали иудаизм с христианскими конфессиями, то в основном с той целью, чтобы сильнее подчеркнуть мессианскую роль православия. Сказывалось здесь влияние национальной славянофильской идеи и творческого наследия Достоевского. Булгаков же выходит далеко за рамки этой традиции и сопоставляет иудаизм с христианством в целом – в том исходном доисторическом значении, когда христианство обнаруживало свою духовную близость иудаизму. В освобождении религиозного мышления мира от национализма и возвращении к духовной всеединости видит он единственный и неизбежный, т.е. софийный, путь становления человечества. Может быть, поэтому с такой силой и выразительностью, несвойственной православному богословию в целом, звучит его идея о том, что история вернется „на круги своя” – „и в историческом христианстве явится новая сила, которая и станет духовным его средоточием, как было это и в первые дни его: и у д е о - х р и с т и а н с т в о”¹⁵.

Булгаковские исследования по еврейскому вопросу сохраняют свою злободневность и сегодня, когда демократические процессы в посткоммунистических странах вызвали к жизни также волну антисемитизма с сопутствующим ему лозунгом защиты христианства. *Расизм и христианство* достаточно убедительно показывает, что с подлинной религиозностью антисемитизм несовместим и самоизоблачается как антихристианство. Высказанные Булгаковым предположения на эту тему имеют также прямое отношение к антисемитизму культурному, а вернее литературному, в той форме и значении, которое придал ей Достоевский, прикрывая свою религиозную нетерпимость, ксенофобию и ненависть к евреям своеобразной православной христологией. Литературная критика сделала много, как плохого, так и хорошего, чтобы поставить ее в самом центре читательского внимания, хотя русская религиозная мысль в значимой части своей не раз указывала на ее поверхностность – Лев Шестов называл христологию Достоевского „лубочной”, а Константин Леонтьев – „розовой”. Справедливости ради следует отметить, что Булгаков неоднократно ссылается на дневниковые записи Достоевского, в котором высоко ценится мировое значение иудаизма, однако художественная практика разительного этому противостояла. Но не доказывает ли это лишним раз, что Достоевский-писатель был плохим теологом, которого подводило художественное чутье. В свете *Расизма и христианства* Сергея Булгакова можно в религиозной проникновенности Достоевского, которая ему приписывается, глубоко усомниться.

---

¹⁵ Там же, с. 140.